

А. Д. Полугодин**Партизанское движение и административный коллаборационизм в западнорусской деревне (1941—1943 гг.)**

В статье на основе неопубликованных материалов архивов Калужской, Смоленской, Орловской, Тверской и Брянской областей рассмотрена проблема взаимоотношений партизан с представителями институтов гражданской коллаборационной администрации в рамках территории западнорусской деревни. При сравнении контактов партизан и коллаборантов в различные периоды оккупации автор отмечает противоречивый характер взаимодействия субъектов и его постоянную трансформацию в период с 1941 по 1943 год. Проанализированы причины и последствия вышеупомянутой динамики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, гражданская оккупационная администрация, партизаны, коллаборационизм, «благодарственные письма», смешанная форма борьбы, Центральный штаб партизанского движения.

Проблема изучения взаимоотношений партизан и коллаборантов с давних времен не отличалась закрытым характером. Еще в советской историографии партизаны изображались борцами за советский строй, коммунистическую партию, которая, взяв на себя руководство движением сопротивления, стала единственной силой, способной организовать отпор врагу [26]. Действия мстителей в отношении коллаборантов считались обоснованными и справедливыми, а сами контакты сводились к неотвратимому возмездию пособникам, заставляя последних опасаться за свою жизнь [49, с. 73—79]. В историографии встречались и совершенно противоположные эпизоды контактов партизан с коллаборантами. Так, в вышедшем сборнике документов «Незримого фронта солдаты» имеются упоминания отдельных категорий коллаборантов, использовавших служебное положение для развития партизанского дела и общей победы над врагом [34, с. 171].

С падением советской системы происходит существенное изменение теоретической концепции. Партизан начинают изображать как репрессивную силу сталинского режима, беспощадно карающую любого, кто бросил вызов системе [2, с. 9]. Неустойчивому населению необходимо было показать, что возмездие советской власти найдет любого, кто стал на путь помощи оккупантам. Исследователь Б. Соколов отмечал первостепенный характер террора, особенно распространенный в тех местах, где население не хотело идти на сближение с партизанами. По версии исследователей, подобная политика приводила к тому, что помимо коллаборантов под удар мстителей частенько попадали и люди, никак не связанные с врагом, что делало отношения на оккупированной территории довольно сложными. Соколов считает, что на пространстве оккупированного СССР шла настоящая гражданская война с вытекающими из нее последствиями [44, с. 18]. Зачастую подобные трактовки подвергаются беспощадной критике за популизм, предвзятость и необъективность в исследовании вопроса [31, с. 57—58]. Так, например, К. В. Чеченков в своей работе, посвященной партизанскому движению, не останавливается на применении партизанами по отношению к пособникам только лишь карательных мер, упоминая и про пропагандистские инструменты, сыгравшие в дальнейшем весьма значительную роль [47].

В российской историографии присутствует и альтернативная точка зрения. Ряд специалистов считает, что отношения мстителей и коллаборантов носили довольно сложный, противоречивый характер, претерпевали изменения на протяжении всей войны. Смолен-

© Полугодин А. Д., 2019

ский исследователь И. П. Щеров отмечает далеко не однозначный аспект взаимоотношений партизан с населением, в том числе и пособниками, несмотря на то что метод террора использовался на протяжении всего оккупационного периода и был превалирующим [48, с. 3]. А. Ю. Попов видел неустойчивый характер отношений между субъектами лишь в первый неудачный период войны при отсутствии у мстителей опыта, кадров, боеприпасов и провианта. В дальнейшем же партизаны чаще пытались найти общий язык с жителями, в том числе и пособниками, понимая необходимость использования их в своих интересах [37, с. 69—76]. Противоречивый характер в отношениях партизан и коллаборантов в годы оккупации отметил В. Н. Кучер [32, с. 620].

В западной историографии по упомянутому вопросу также нет единой точки зрения. Помимо стереотипных версий о «плохих» партизанах есть и весьма объективные точки зрения. Американский специалист Д. Армстронг пришел к выводу, что обоюдные контакты подполья и пособников в годы оккупации все же были, а целенаправленный партизанский террор применялся как по мере необходимости, так и по причине безответственности командования некоторых партизанских отрядов. Функция террора народных мстителей заключалась не столько в пролитии крови, сколько в напоминании населению о «настоящей власти», которая вот-вот должна вернуться [1, с. 8—15].

Целью данного исследования является объективный анализ практики взаимоотношений партизанского сопротивления с представителями коллаборационного аппарата на примере оккупированной западнорусской деревни. Указанная проблема в настоящее время является достаточно актуальной ввиду господства противоречивых концепций и важности преодоления ряда сложившихся стереотипов, оказывающих влияние на сознание людей. Автор стремится проанализировать динамику отношений, отметить причины трансформации и подвести соответствующие итоги. При написании статьи использовались многочисленные документы фондов партизанского движения различных региональных архивов, а также опубликованная литература.

К концу 1941 г. под немецкой оккупацией оказалась вся территория запада РСФСР. Для организации работы и обеспечения порядка в сельской местности и городах немцами создавался коллаборационный аппарат в лице управителей-бургомистров и полицейских, штат которых набирался из местных жителей [43]. Министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс предполагал создать бутафорские органы управления в различных секторах, чтобы возложить на них ответственность за непопулярные меры, уменьшить опасность со стороны партизан и приобрести доверие народа [42, л. 97]. Подобные структуры, находясь в промежуточном положении между партизанами и оккупантами, нередко сами должны были путем проб и ошибок находить свой статус.

В период военных неудач Красной Армии лета — осени 1941 года, неопределенного положения перед населением западнорусской деревни, оказавшейся в оккупации, остро встал вопрос о том, что делать и как себя вести. На первых порах немецкая политика в отношении населения была достаточно осторожной, внушающей местным жителям определенные позитивные ожидания и даже приносящей некоторый успех. Чекистские сводки упоминали о целых деревнях, симпатизирующих немцам [3, с. 126].

Но еще больше было тех, кто выбрал выжидательную позицию. Об этих людях комиссар партизанского отряда им. С. Лазо вспоминал таким образом: «Эти ждут, действуют со стороны, присматриваются к новой власти и выбирают ту, которая сильнее. И вот именно такие люди усиливали фашистских ставленников, которые использовали этих лиц в своих интересах» [14, л. 3—4]. Историк Д. Е. Комаров считает, что на Смоленщине лишь около 12% семей сельских жителей активно боролись с немцами, примерно столько же пошли на сотрудничество с врагом, а более 40% вели себя достаточно пассивно [29, с. 36].

Однако по мере поражений войск противника от Красной Армии, отступления на запад оккупационная политика врага начинает претерпевать существенные изменения. Неудача блицкрига делала войну затяжной, а потребности Германии растущими, и это активизировало усилия оккупантов по выкачиванию экономических и людских ресурсов, а также осуществлению охранных мероприятий, чем должны были заниматься пособнические структуры. Первые партизанские донесения о положении на оккупированной территории подчеркивали изменчивость характера политики иноземных пришельцев. «Все мероприятия, проводимые немецкими властями и их прислужниками, сводятся к тому, чтобы обеспечить армию, осуществить безопасность оккупированных районов в интересах Германии. Население грабится как незаконно — вражескими солдатами, так и узаконенными средствами — через старост и старшин. И это становится всем понятно. В населенных пунктах проводится набор в полицию для несения караульной службы» [10, л. 9].

В связи с этим к концу 1941 г. начинается рост партизанского движения. В Директиве СНК СССР от 29 июня 1941 г. за подписью И. В. Сталина говорилось: «В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия». Бесчинства оккупантов, лесистая местность, большое количество брошенного оружия, значительное количество бывших окруженцев — бойцов и командиров Красной Армии создавали в западнорусской деревне благоприятные условия для его развития. Уже на 1 июля 1942 г. в Смоленской области действовало около 23 тыс. партизан, в Калининской — 5024 человека, на Брянщине — 31 тыс. [5, с. 7]. Подобная проблема не могла оставаться незамеченной немцами, и оккупационное командование обратило на нее внимание. В апреле 1942 г. командующий тыловой зоной генерал М. Шенкендорф срочно просил руководство группы армий «Центр» выделить ему значительные средства для борьбы с партизанами, представляющими серьезную угрозу [4, с. 615—616].

Понимая недостаточность своих сил, немецкие власти старались переложить на местный коллаборационный аппарат помимо экономических функций и часть антипартизанских [50]. Так, в немецких инструкциях лета — осени 1941 г. бургомистрам, волостным старшинам и старостам предписывалось исполнять указания оккупационных властей и нести ответственность за порядок на своей территории [20, л. 66]. Им предписывалось участвовать в задержании всякого подозрительного элемента, обнаруженного на подвластной территории, обеспечивать выполнение мероприятий по вырубке леса вблизи зон партизанской активности, установке вышек для осмотра округи и формированию отрядов самообороны [17, л. 30, 193]. За исполнение этих обязанностей немецкими властями предусматривалось применение позитивных и негативных санкций к административным коллаборантам — от награждения до расстрелов за содействие бандитизму [17, л. 47]. Такая установка находила у населения оккупированных районов определенный отклик. Партизан В. Самсонов оставил такие воспоминания: «Вот зайдет партизан к матери, а она начнет уговаривать, чтобы он выходил из леса. Сосед, вон, живет себе спокойно, работает у немцев, а ты по лесам бродишь и меня из-за тебя беспокоят. Давай, приходи домой» [41, л. 41]. И действительно, в глазах живших в оккупации служба у врага могла иметь ряд преимуществ (зарплата, паек, статус представителя своей администрации). Саботаж немецких указаний грозил серьезными последствиями для всего населения.

В работе с броским названием «Партизаны против народа» историк А. С. Гогун пытается представить интересный взгляд на первые взаимоотношения мстителей и коллаборантов [2, с. 9]. Автор приходит к выводу, что партизаны действовали крайне жестоко

по отношению не только к ярым пособникам, но и к мирному населению. Их террор являлся продолжением карательной политики советского государства. Партизанские отряды в первое время не были придатком централизованной системы, и многие подразделения действовали обособленно. Их практическая деятельность вытекала не из указаний Центра, а складывалась в зависимости от местных условий. Таких партизан называли «дикими», состоящими из местных жителей. Равнодушные к политике, они старались ужиться с немцами, не провоцируя их на карательные меры. Плохо вооруженный крестьянин, осознавая свою неподготовленность к схватке с сильным противником, скорее думал о защите родной деревни, нежели о защите советской власти, от которой он мог сам пострадать в прошлом. Справедливые указания на недопустимость боев с гитлеровцами вблизи деревень и сел, ответственность за грабежи и мародерство, особое отношение к перебежчикам последуют позднее, с усилением карательной политики немцев.

Была и другая часть мстителей, которыми руководили идеологически мотивированные чекисты. Именно такие отряды готовы были спровоцировать врага своими действиями, являясь наиболее беспощадными к немецким ставленникам [2, с. 9—10]. Подобные соединения следовали принятым установкам с «Большой земли». Помимо элементарной реквизиции продуктов у изменников в борьбе с врагом партизанами активно применялась и тактика индивидуального террора [28, с. 67]. Так, к осени 1941 г. уже было известно распоряжение Москвы о ликвидации всех изменников Родины без исключения [6, л. 1].

За 4 месяца 1942 г. партизанский отряд Буранова в Калининской области ликвидировал 14 бургомистров, 435 полицейских, разгромил 22 волостных управы, а сами партизаны по данному поводу лукаво высказывались, что цифры не предельные, так как «эту сволочь никто порядком не считает» [38, л. 6]. Партизанский отряд им. С. Лазо, действовавший в районе Ельни, только с 1 по 10 апреля 1942 г. уничтожил 198 полицейских, старост, старшин и членов их семей. Партизанский отряд Иванова, действовавший в Сафоновском районе, с 9 по 19 апреля 1942 г. перебил 106 «предателей». Партизанский отряд, действовавший в Ульяновском районе Орловской области, за период с октября 1941 по январь 1942 г. уничтожил 22 ставленника, активно помогавших фашистам [7, л. 40]. По сообщениям Брянского штаба партизанского движения Орловской области, с октября 1941 по 15 июня 1942 г. партизанами было истреблено 1213 чел. [36, с. 179]. А всего по двум областям (Орловской и Смоленской) в период 1941—1943 гг. было уничтожено 6862 пособника, разгромлено 186 полицейских управ [15, л. 371]. Историк Б. Н. Ковалев в своем интервью радио «Эхо Москвы» отмечал, что в ряде случаев размах террора со стороны некоторых партизанских отрядов выходил за все приемлемые рамки. Комиссар 5-й партизанской бригады вспоминал: «Мы активных пособников никогда не стреляли и не вешали. Мы изменникам березки делали¹» [27]. В некоторых случаях ситуации носили совершенно абсурдный характер. Ввиду всеобщей несогласованности партизанских подразделений в самом начале оккупации отмечались факты уничтожения мстителями пособников, выполняющих указания подпольных парторганизаций [28, с. 58].

По данным Д. Е. Комарова, партизаны в период с 1941 по 1943 г. уничтожили около 11 тыс. солдат РОА, полицейских, бургомистров, старост и т.д., что даже при условии имевшего место завышения партизанами результатов своей деятельности является достаточно внушительным показателем. Что же касается многочисленных перегибов, отмеченных в исполнительской работе, то вышеупомянутые случаи лишь добавляют трагичности этим цифрам [30, с. 204].

Можно также согласиться с мнением И. Щерова, что подсчет ликвидированных пособников являлся наиболее важной частью донесения. Несмотря на явное преувеличе-

¹ Разрывали на части.

ние некоторых показателей, эти данные помогают определить наиболее уязвимые звенья коллаборационного аппарата и проследить интенсивность применения таких мер. В наибольшей степени страдали от партизан такие категории гражданских коллаборантов, как старосты, сельские полицейские, волостные старшины. Что же касается крупных начальников и организованных воинских формирований, то они часто располагались в местах значительного скопления войск и страдали от партизан гораздо реже. Нередко крупные чины местной коллаборационной администрации и отряды полицейских стремились уйти в безопасные для себя районы, перебирались в селения, находящиеся вблизи воинских подразделений. Немецкое командование издавало указания по запрещению таких хаотичных перемещений [38, л. 6—7].

Исходящую от партизан угрозу хорошо осознавали и сами немцы, призывая граждан, коллаборационную администрацию активнее участвовать в антипартизанской борьбе. За ущерб немецкой армии гитлеровцы угрожали расстрелом вдвое большего числа лиц, чем пострадало немецких солдат, а при покушении на железные дороги и мосты — казнью не менее 3-х человек из местных. Под страхом виселицы запрещалось давать пристанище чужакам и укрывать партизан [21, л. 29]. Такая активность и стихийность движения заставили, например, Севское районное управление в декабре 1941 г. выпустить указание о мобилизации старост и старшин на борьбу с партизанами до освобождения от них всех подконтрольных ему территорий [36, с. 79]. В д. Михеевка Смоленской области за укрытие подпольщиков карательным отрядом был расстрелян староста с семьей в 6 человек, включая двоих детей. В апреле 1942 г. немцами сожжена д. Борки якобы за связь с партизанами. К тому же вместе с местными жителями расстреляли и всю полицию деревни «за бездействие в борьбе с “бандами”». В донесении секретарю Смоленского обкома ВКП(б) Д. М. Попову от отдела ЗШПД сообщалось, что население ряда деревень настолько запугано карателями, что многие крестьяне стали идти на службу к немцам [15, л. 108, 196].

Террор некоторых партизанских отрядов по отношению к немецким ставленникам, подчас бесцеремонные действия относительно местного населения, разумеется, не порождали у людей симпатий к народным мстителям. В партизанских документах довольно часто встречаются сведения о том, что местные жители «отказывают в помощи продуктами, укрытии», «вызывают немецкую подмогу» [15, л. 108].

Карательные акции нацистов, тяжелое положение, в котором оказывались партизаны, изменчивость ситуации на фронтах заставляли партизан пересмотреть тактику борьбы, характер своего отношения к населению и коллаборантам. Они не могли не понимать, что именно от позиции населения и отчасти коллаборационной администрации зависит и их собственное положение. Террор и изъятие имущества пособников оставались необходимым условием борьбы на всем протяжении оккупации. При невозможности ликвидировать пособника своими руками партизаны изобретательно искали иные пути достижения цели. В первые годы оккупации в отношении активных коллаборантов была распространена отправка «благодарственных писем», сущность которых сводилась к ликвидации предателя руками немцев. «Разоблаченного» таким образом своего ставленника оккупанты уничтожали, не вникая ни в какие подробности. Так, например, был уничтожен волостной старшина Кружаленков и начальник полиции Дятлов, работавшие в управе современного Куйбышевского района Калужской области [9, л. 28]. Но все же отметим, что низовые звенья пособнического аппарата уничтожались мстителями без особых проблем ввиду слабой охраны населенных пунктов.

Уже с конца 1941 г. отмечается некоторая тенденция трансформации отношений. Часть партизан впоследствии вспоминала, что помимо угроз имели место и разговоры-преду-

преждения с пособниками об их ответственности за свои действия. Член ВКП(б) Н. А. Силкин писал: «К старосте Плешкову я пришел в ноябре 1941 г. и сразу сказал ему, что мы друг друга давно знаем, и ты знаешь, что мы здесь, поэтому, если ты нас выдашь, то не только сам не будешь жить, но и твоя семья будет уничтожена. Будешь нам помогать» [13, л. 143]. Председателю Дубосищенского сельсовета Смоленской области, работающему на немцев, было дано указание от заведующего партизанским движением срочно предоставить в его пользование определенное количество лошадей, хомутов, яиц и молока, а за невыполнение обещалось привлечение к ответственности по «законам военного времени» [18, л. 6—25].

Другим примером смены тактики являлась практика внедрения партизанской агентуры с целью разложения коллаборационной администрации. В первые годы оккупации из-за недостаточного развития движения подобные действия к успехам не приводили. Имели место случаи перехода самих партизан на службу к врагу, и во многих партизанских воспоминаниях есть упоминания о расстрелах своих перебежчиков [12, л. 95]. Да и сами партизаны отмечали, что возможности их пропаганды в то время сильно уступали немецкой. Лишь с изменением положения на фронтах и в самой оккупированной зоне происходило постепенное повышение удельного веса этого способа борьбы. Можно согласиться с мнением Б. Н. Ковалева, что ввиду неудач 1941 года и отсутствия у мстителей определенных ресурсов в начальный период оккупации пропагандистский инструмент не считался приоритетным, уступая место силовым формам. Недооценку его партизаны объясняли авантюристическим и провокационным характером немецкой пропаганды, которая, с самого начала опираясь на элементарную ложь, так и не смогла завоевать доверие населения [28, с. 45].

К концу 1942 г. при налаживании связи с «Большой землей» стали известны многочисленные случаи выпуска партизанами пропагандистского материала в виде листовок. Так, например, партизанский отряд Хвастовичского района к 16 июля 1943 г. уже выпустил 4075 экземпляров листовок для пособников и предателей [8, л. 10]. Некоторые партизанские соединения знали своих ненавистников по фамильно, чем пытались воспользоваться, указывая их данные в листовках, угрожали семьям коллаборантов [25, с. 74]. К 1943 г. после победы в Сталинградской битве в леса начинают переходить люди, а позднее и целые воинские подразделения, повышалось доверие жителей, полностью разочаровавшихся в политике оккупантов. По воспоминаниям партизана А. Г. Холомеева, «в начале оккупации мы руководствовались листовками, которые нам сбрасывали. В них говорилось, что всем, кто переходит на сторону немцев, — смерть, поэтому мы подходили к делу формально и многих расстреляли» [13, л. 67]. Но уже в воспоминаниях партизана Соловьева о событиях 1943 г. мы видим совершенно иную картину: «В последнее время в отношении старост и власовцев террор применяем реже, стараемся вести массово разъяснительную работу, чтобы привлечь их на свою сторону. В листовках мы требовали и призывали их искупить вину перед Родиной, заниматься вредительством, оказывать нам помощь» [12, л. 97—98].

К концу оккупации интенсивность ликвидации пособников заметно снижается по сравнению с 1941—1942 гг., уступая место пропагандистским инструментам [39, л. 98]. В отличие от листовок начального этапа оккупации к 1943 г. в них партизанами все чаще обращается внимание на различную мотивацию коллаборантов, повлиявшую на их судьбу, а также возможность искупления этими людьми своей вины [46, л. 16].

Меняется и сама карательная практика по отношению к немецким ставленникам, ограничивающая силовое воздействие. Так, например, партизаны отряда Дьяченко, действовавшие на Смоленщине, изъяли у старост д. Митино и Семеново награбленное ими

имущество и хотели их расстрелять за доносы, однако передумали из-за опасений, что может пострадать местное население, и ограничились мерами устного предупреждения [16, л. 15—16]. Другой партизан вспоминал, что, заходя в дом старосты, «мы прежде всего не говорили хозяйке: “Насыпь зерна”, а просто брали 8 мешков из 10 и уходили, и эти 2 мешка пусть останутся этим сволочам, чтобы не подошли» [10, л. 176]. Командование отряда 5-й Калининской бригады при разгроме волостной управы дало приказание расстрелять только одного волостного старшину со своими помощниками. Пришедшие на совещание старосты отделались предупреждением и были отпущены по домам [45, л. 4—27].

Для пополнения своих рядов перебежчиками из числа коллаборантов и во избежание расправ над мирным населением партизаны применяли и иные способы их вербовки. Применялась практика фиктивного похищения и заочного «расстрела» пособников, желающих уходить в леса [15, л. 108]. Известны случаи, когда партизаны, сговорившись со старостой, давали ему указания по поводу его обязанностей и только уже на грани немецкого разоблачения аккуратно принимали в свой отряд, предоставляя укрытие. Партизан Н. Е. Абрамович в своих воспоминаниях приводил такой интересный способ взаимодействия: «Машуров — “наш” староста, помогал нам. Когда оккупанты приказывали ему собрать несколько десятков тонн хлеба, он это беспрекословно выполнял, но перед тем, как направить обоз, сообщал нам маршрут и время движения. Всякий раз мстители нападали на этот обоз и увозили с собой собранные продукты» [34, с. 185]. Положительные примеры контактов с партизанами можно проследить и на других примерах, наиболее характерным является поведение немецкого ставленника — старосты д. Четово, который объявил набор лиц, ответственных за сбор оружия. Партизаны, договорившись с ним, отправили своего человека, который собрал все негодное — немцам, а годное — в партизанскую яму» [11, л. 2]. Часть партизан в своих воспоминаниях, относящихся к 1943 г., упоминают о взаимодействии даже средних коллаборационных структур в лице бургомистров волостей с мстителями во благо общей победы над оккупантами [33, с. 25—27]. Активный участник партизанского движения А. Г. Григорьев вспоминал: «Если в 1941—1942 гг. население реже помогало нам, то уже в 1943 г. само приходило и приносило продовольствие добровольно» [28, с. 74].

Все эти свидетельства противоречат утверждению о непримиримо враждебном отношении партизан к представителям коллаборационной администрации и исполнявшему указания немцев населению. «Конечно, если видишь, что перед тобой человек убежденный, — писал в воспоминаниях партизан К. М. Соловьев, — что он душой и телом предан немцам, что никакая массово-разъяснительная работа не действует, тогда другое дело — только автомат в ход» [12, л. 95]. Можно согласиться с мнением курского историка С. А. Никифорова о том, что сотрудничество с оккупантами не делало человека вечным союзником фашистов и партизаны оставляли гражданам, привлеченным на службу к немцам, право вернуться, исключая лишь ярых пособников, карателей и шпионов [35]. Таким образом, формировался смешанный вариант взаимодействия с пособниками, который, как мы видим, давал значительные успехи.

Подобно партизанам политику «кнута и пряника» применяли и немцы. Например, старшине Самолюбовской волости Парфененкову установили ежемесячный оклад в 550 рублей за активное участие в борьбе с «бандами». Пострадавших от действий партизан жителей освобождали от налогов и выписывали пособия от 100 до 300 руб. [17, л. 47, 124; 23, л. 14; 24, л. 5—7]. При участии гражданского аппарата оккупантами проводились меры по нейтрализации и уничтожению подпольного движения. Так, заместитель начальника Стодолиценского района Смоленской области приказал старшинам

Ново-Руднянской волости обеспечить безопасность путем выставления поставного охранения, рекрутируемого из местных жителей, а при обнаружении партизан, не прекращая сопротивления, срочно докладывать в волостную управу для присылки подкрепления [18, л. 30]. Другой территориальный бургомистр просил начальника Ершицкого района срочно усилить полицию из-за нападений партизан, так как местных сил оказалось недостаточно [22, л. 169]. Начальник Семлевского района под угрозой отправки в лагерь требовал от подчиненных организовать постройку вышек для просматривания округа в своем населенном пункте [19, л. 147].

Со своей стороны, немцы постоянно выпускали инструкции о запрете под страхом смерти передвижения вне ограниченных территорий, об угрозах расправ над партизанами и их помощниками, различных методах обнаружения «банд». Значительная часть работы по осуществлению этих инструкций ложилась на плечи гражданской коллаборационной администрации. Старостам предписывалось задерживать «лиц, шастающих по деревне, имеющих неопрятный вид, с торбами за плечами», а за выдачу жителями партизана гарантировалась оплата в размере 2 тыс. руб., за информацию о месторасположении партизанского отряда — 2,5 тыс. руб. [40, л. 6—10].

Таким образом, отношения коллаборантов и партизан на всем протяжении оккупации носили характер противоречивый и сложный, претерпевающий серьезные изменения к 1943 г. Метод террора, несмотря на свое распространение, зачастую применялся партизанами лишь в отношении ярых коллаборантов или же в первый период оккупации под воздействием субъективных причин. В отличие от карательной политики оккупантов партизаны пытались обосновать свои действия по отношению к проступкам конкретных людей, предоставить пособнику информацию о справедливости такого решения, а в некоторых случаях дать шанс на искупление.

Анализ источников показывает, что репрессивная политика партизан являлась далеко не единственным инструментом, постоянно сменяясь все более мягкими методами влияния. Осознавая свое положение и возможный эффект от взаимодействия с коллаборационными представителями, народные мстители стремились выработать более гибкие подходы, сочетавшие в себе как репрессивные, так и пропагандистские средства.

Изменения произошли и в поведении коллаборантов. Если в начале оккупации значительное их количество, понимая неустойчивость личного положения, пыталась занять нейтральную, а иногда и открыто пронемецкую позицию, лавируя между немецкими властями и партизанским сопротивлением, то уже к концу ее стала выработываться довольно ясная модель поведения, сводящаяся к осознанию гитлеризма как большего зла и мобилизации сил в поддержку партизан.

Список использованных литературы и источников

1. Армстронг Д. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941—1944. М. : Центрполиграф, 2007. 496 с.
2. Гогун А. С. Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941—1944 гг.: статьи и воспоминания / под ред. Б. С. Пушкирева. М. : Посев, 2004. 111 с.
3. Госбезопасность в битве за Москву. Документы, рассекреченные ФСБ России : сб. документов. М. : Звонница, 2015. 528 с.
4. Госбезопасность в годы Великой Отечественной войны. Т. 3, кн. 1. М. : Русь, 2003. 692 с.
5. Госбезопасность в годы Великой Отечественной войны. Т. 3, кн. 2. М. : Русь, 2003. 701 с.
6. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. Р-4573. Оп. 1. Д. 147.
7. ГАДНИКО. Ф. Р-4573. Оп. 1. Д. 574.
8. ГАДНИКО. Ф. Р-4573. Оп. 1. Д. 650.
9. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 3.

10. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 23.
11. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 24.
12. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 254.
13. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 269.
14. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 299.
15. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 8.
16. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 249.
17. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2574. Оп. 1. Д. 2.
18. ГАСО. Ф. 2576. Оп. 1. Д. 5.
19. ГАСО. Ф. 2646. Оп. 1. Д. 1.
20. ГАСО. Ф. 2739. Оп. 1. Д. 1.
21. ГАСО. Ф. 2740. Оп. 1. Д. 15.
22. ГАСО. Ф. 2740. Оп. 1. Д. 16.
23. ГАСО. Ф. 2740. Оп. 1. Д. 27.
24. ГАСО. Ф. 2740. Оп. 1. Д. 39.
25. За линией фронта. Воспоминания К. Ф. Фирсанова. Тула : Приокское кн. изд-во, 1968. 248 с.
26. Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». Всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР, 1941—1943 гг. М. : Мысль, 1980. 318 с.
27. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм: казнить или помиловать? Интервью радио «Эхо Москвы» от 12 мая 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/victory/513765-echo/> (дата обращения 24.12.2018).
28. Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М. : Молодая гвардия, 2011. 619 с.
29. Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск : Свиток, 2015. 368 с.
30. Комаров Д. Е. Деятельность советского репрессивного аппарата на оккупированной территории Смоленской области (1941—1943) // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 1 (21). Исторические науки. С. 197—209.
31. Коровин В. В. Современная российская историография об истоках партизанского движения и коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Начало Второй мировой войны: национальные историографические традиции и историческая память : материалы междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. В. Н. Земцов. Екатеринбург : [Б. и.], 2017. С. 57—67.
32. Кучер В. Н. Партизаны Брянского леса: какими они были. 1941—1943. М. : Возвращение, 2014. 752 с.
33. Лесные богатыри : сб. воспоминаний. Тула : Приок. кн. изд-во, 1966. 186 с.
34. Незримого фронта солдаты : сб. воспоминаний. Тула : Приок. кн. изд-во, 1971. 476 с.
35. Никифоров С. А. Проявления коллаборационизма на территории Центрального Черноземья в 1941—1943 гг. (на примере Курской области) // Правда истории. Курск, 2008. Вып. 7. С. 170—190.
36. Партизаны Брянщины : сб. документов и материалов. Тула : Приок. кн. изд-во, 1970. 488 с.
37. Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М. : Олма-ПРЕСС, 2003. 383 с.
38. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 352.
39. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 576.
40. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 728.
41. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 70.
42. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 97.
43. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М. : РОССПЭН, 2000. 863 с.
44. Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. М. : АСТ-Пресс, 2002. 352 с.
45. Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 479. Оп. 1. Д. 583.
46. Центр документации новейшей истории Брянской области. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 247.
47. Чеченков К. В. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны: проблемы организации как фактор боеспособности: по материалам Западного региона РСФСР : дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2012. 230 с.
48. Щеров И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе (1941—1944): типы и проявления в годы оккупации. Смоленск : Универсум, 2005. 432 с.
49. Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной территории (1941—1944 гг.). М. : Мысль, 1971. 358 с.

50. Якутин А. В. Деятельность немецких оккупационных органов на территории Смоленской области в 1941—1943 годах // Известия Смоленского государственного университета. Сер. Исторические науки и археология. 2017. № 2 (38). С. 218—224.

Поступила в редакцию 02.11.2018

Полугодин Андрей Дмитриевич, аспирант
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
Российская Федерация, 248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, 26
E-mail: andrei.polugodin@yandex.ru

UDC 94(470)“1941/1943”

A. D. Polugodin

Guerrilla movement and administrative collaboration in the West Russian village (1941—1943)

The article discusses the relations between guerrillas and representatives of civil collaboration institutes within the territory of the West Russian village on the basis of unpublished materials of Kaluga, Smolensk, Oryol, Tver and Bryansk regional archives. When comparing contacts of guerrillas and collaborators during various periods of occupation, the author notes the inconsistent nature of interaction of subjects exposed to continuous transformation during the period of 1941—1943. The paper analyzes the reasons and consequences of the above mentioned dynamics.

Key words: Great Patriotic War, civil occupational administration, guerrilla, collaborationism, “grateful letters”, “mixed form of struggle”, Central headquarters of the partisan movement.

Polugodin Andrey Dmitriyevich, Postgraduate Student
Kaluga State University n. a. K. E. Tsiolkovsky
Russian Federation, 248023, Kaluga, ul. Stepana Rasina, 26
E-mail: andrei.polugodin@yandex.ru

References

1. Armstrong D. *Sovetskie partizany. Legenda i deistvitel'nost'. 1941—1944* [Soviet partisans. Legend and reality. 1941—1944]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007. 496 p. (In Russian)
2. Gogun A. S. *Partizany protiv naroda* [Partisans against the people]. *Pod okkupatsiei v 1941—1944 gg.: stat'i i vospominaniya* [Under occupation in 1941—1944: articles and memoirs]. Moscow, Posev Publ., 2004. 111 p. (In Russian)
3. *Gosbezopasnost' v bitve za Moskvu. Dokumenty, rassekrechennyye FSB Rossii: sb. dokumentov* [State security in the battle for Moscow. Documents declassified by the FSB of Russia. Collect. of documents]. Moscow, Zvonitsa Publ., 2015. 528 p. (In Russian)
4. *Gosbezopasnost' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [State Security during the Great Patriotic War]. Vol. 3, book 1. Moscow, Rus' Publ., 2003. 692 p. (In Russian)
5. *Gosbezopasnost' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [State Security during the Great Patriotic War]. Vol. 3, book 2. Moscow, Rus' Publ. 2003. 701 p. (In Russian)
6. *Gosudarstvennyi arkhiv dokumentov noveishei istorii Kaluzhskoi oblasti* [State Archive of Contemporary History Documents of the Kaluga Region] (GADNIKO). F. R-4573. Op. 1. D. 147.
7. GADNIKO. F. R-4573. Op. 1. D. 574.
8. GADNIKO. F. R-4573. Op. 1. D. 650.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Kaluzhskoi oblasti* [State Archive of the Kaluga Region]. F. R-3466. Op. 1. D. 3.
10. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Smolenskoi oblasti* [State Archive of the Contemporary History of the Smolensk Region] (GANISO). F. 8. Op. 1. D. 23.
11. GANISO. F. 8. Op. 1. D. 24.

12. GANISO. F. 8. Op. 1. D. 254.
13. GANISO. F. 8. Op. 1. D. 269.
14. GANISO. F. 8. Op. 1. D. 299.
15. GANISO. F. 8. Op. 2. D. 8.
16. GANISO. F. 8. Op. 2. D. 249.
17. *Gosudarstvennyi arkhiv Smolenskoï oblasti* [State Archive of the Smolensk Region] (GASO). F. 2574. Op. 1. D. 2.
18. GASO. F. 2576. Op. 1. D. 5.
19. GASO. F. 2646. Op. 1. D. 1.
20. GASO. F. 2739. Op. 1. D. 1.
21. GASO. F. 2740. Op. 1. D. 15.
22. GASO. F. 2740. Op. 1. D. 16.
23. GASO. F. 2740. Op. 1. D. 27.
24. GASO. F. 2740. Op. 1. D. 39.
25. *Za liniei fronta. Vospominaniya K. F. Firsanova* [Behind the front line. Memories of K. F. Firsanov]. Tula, Priokskoe kn. izd-vo Publ., 1968. 248 p. (In Russian)
26. Kasatkin M. A. *V tylu nemetsko-fashistskikh armii "Tsentr". Vsenarodnaya bor'ba na okkupirovannoi territorii zapadnykh oblastei RSFSR, 1941—1943 gg.* [In the rear of the German fascist armies "Center". Nationwide struggle in the occupied territory of the western regions of the RSFSR, 1941—1943]. Moscow, Mysl' Publ., 1980. 318 p. (In Russian)
27. Kovalev B. N. *Kollaboratsionizm: kaznit' ili pomilovat'?* Interv'yu radio "Ekho Moskvy" ot 12 maya 2008 [Collaborationism: execute or pardon? Interview on radio "Echo of Moscow". May 12, 2008]. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/victory/513765-echo/>. Accessed 24.12.2018. (In Russian)
28. Kovalev B. N. *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period natsistskoi okkupatsii* [The daily life of the population of Russia during the Nazi occupation]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 619 p. (In Russian)
29. Komarov D. E. *Smolenskaya oblast' v ogne Velikoi Otechestvennoi: voïna, narod, pobeda* [Smolensk Region in the fire of the Great Patriotic War: war, people, victory]. Smolensk, Svitok Publ., 2015. 368 p. (In Russian)
30. Komarov D. E. Deyatel'nost' sovetskogo repressivnogo apparata na okkupirovannoi territorii Smolenskoï oblasti (1941—1943) [Activities of the Soviet Repressive organs on the Occupied Territory of Smolensk Region (1941—1943)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 1 (21). Istoricheskie nauki, pp. 197—209. (In Russian)
31. Korovin V. V. *Sovremennaya rossiiskaya istoriografiya ob istokakh partizanskogo dvizheniya i kollaboratsionizma v gody Velikoi Otechestvennoi voïny* [Modern Russian historiography about the origins of the partisan movement and collaborationism during the Great Patriotic War]. *Nachalo Vtoroi mirovoi voïny: natsional'nye istoriograficheskie traditsii i istoricheskaya pamyat': materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The beginning of World War II: national historiographic traditions and historical memory. Proceed. of the Internat. sci.-pract. conf.]. Yekaterinburg, 2017, pp. 57—67. (In Russian)
32. Kucher V. N. *Partizany Bryanskogo lesa: kakimi oni byli. 1941—1943* [Partisans of the Bryansk forest: what they were. 1941—1943]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2014. 752 p. (In Russian)
33. *Lesnye bogatyri: sbornik vospominanii* [Forest Warriors. Collect. of memories]. Tula, Priok. kn. izd-vo Publ., 1966. 186 p. (In Russian)
34. *Nezrimogo fronta soldaty: sbornik vospominanii* [Invisible front soldiers. Collect. of memories]. Tula, Priok. kn. izd-vo Publ., 1971. 476 p. (In Russian)
35. Nikiforov S. A. *Proyavleniya kollaboratsionizma na territorii Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1941—1943 gg. (na primere Kurskoï oblasti)* [Manifestations of collaborationism on the territory of the Central Black Soil Region in 1941—1943 (on the example of the Kursk Region)]. *Pravda istorii* [True history]. Kursk, 2008, is. 7, pp. 170—190. (In Russian)
36. *Partizany Bryanshchiny: sb. dokumentov i materialov* [Partisans of Bryansk. A collection of documents and materials]. Tula, Priok. kn. izd-vo Publ., 1970. 488 p. (In Russian)
37. Popov A. Yu. *NKVD i partizanskoe dvizhenie* [NKVD and partisan movement]. Moscow, Olma-PRESS Publ., 2003. 383 p. (In Russian)
38. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI). F. 69. Op. 1. D. 352.
39. RGASPI. F. 69. Op. 1. D. 576.
40. RGASPI. F. 69. Op. 1. D. 728.
41. RGASPI. F. 625. Op. 1. D. 70.

42. RGASPI. F. 625. Op. 1. D. 97.
43. Semiryaga M. I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the World War II]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 863 p. (In Russian)
44. Sokolov B. V. *Okkupatsiya. Pravda i mify* [Occupation. Truth and myths]. Moscow, AST-Press Publ., 2002. 352 p. (In Russian)
45. *Tverskoi tsentr dokumentatsii noveishei istorii* [Tver Center for Documentation of Contemporary History]. F. 479. Op. 1. D. 583.
46. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Bryanskoi oblasti* [Documentation Center of the Contemporary History of the Bryansk Region]. F. 1650. Op. 1. D. 247.
47. Chechenkov K. V. *Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: problemy organizatsii kak faktor boesposobnosti: po materialam Zapadnogo regiona RSFSR: dis. ... kand. ist. nauk* [The guerrilla movement during the Great Patriotic War: problems of organization as a factor of fighting efficiency: based on materials from the Western region of the RSFSR. Cand. Dis.]. Kaluga, 2012. 230 p. (In Russian)
48. Shcherov I. P. *Kollaboratsionizm v Sovetskom Soyuze (1941—1944): tipy i proyavleniya v gody okkupatsii* [Collaborationism in the Soviet Union (1941—1944): types and manifestations during the years of occupation]. Smolensk, Universum Publ., 2005. 432 p. (In Russian)
49. Yudenzov A. F. *Politicheskaya rabota partii sredi naseleniya okkupirovannoi territorii (1941—1944 gg.)* [Political party work among the population of the occupied territory (1941—1944)]. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 358 p. (In Russian)
50. Yakutin A. V. Deyatel'nost' nemetskikh okkupatsionnykh organov na territorii Smolenskoi oblasti v 1941—1943 godakh [Activities of the German Occupation Authorities in Smolensk Region in 1941—1943]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki i arkheologiya*, 2017, no. 2 (38), pp. 218—224. (In Russian)